

НАША СТРАНА

Год издания — 39-ый. Буэнос Айрес, суббота 16 мая 1987

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 16 de mayo de 1987 No. 1920

МЫСЛИ ВСЛУХ

САМЫЕ ЛУЧШИЕ КАДРЫ?

В "Мыслях вслух" в номерах 1908, 1913 и 1919 были приведены критические высказывания двух крупных мыслителей нашего века о партийной системе современных государств. В частности, отмечалась критика Освальда Шпенглера "конституционной безответности партий", а также и заявление Ортеги и Гассета о том, что "партийность" является "одним из самых нелепых недугов нашего времени".

Однако, существует впечатление, что подобная критика как бы "застряла" на теоретическом уровне этих и других мыслителей, так как на политическом уровне подобной критики слышно мало. Тем более, что средства массовой информации не только всецело поддерживают партийную систему, но зачастую внушают, что всякая критика этой системы "отдает фашизмом", (умалчивая при этом, что фашизм тоже был партийной, вернее однопартийной, системой, как, впрочем, и все социалистические системы).

Все же такое впечатление не совсем правильно. Как в области "политологии", так и в области прикладной политики можно проследить непрекращающиеся усилия как-то преодолеть недостатки партийной системы, и, в первую очередь, ее "конституционную безответность". Эти усилия направлены главным образом в сторону дополнения конституций специальным законодательством о партиях, так как сами конституции абсолютно ничего не говорят о партиях (также как они ничего не говорят о демократии). Это зачастую ведет, в свою очередь, к политическим злоупотреблениям таким законодательством со стороны находящейся у власти партии, как это можно нередко наблюдать в Латинской Америке. Но, несмотря на это, все эти усилия как-то "узаконить" партийную систему, лишь подтверждают важность этого вопроса, а также и необходимость найти теоретические и практические ответы на него.

В таком высокополитизированном обществе как израильском, этот вопрос затрагивается нередко. Особенно интересны высказывания на эту тему Шмуэля Тамира, бывшего министра юстиции Израиля, перепечатанные из "Ха-ареца" в "Круге" номер 493, от 16-12-1986 года. Шмуэль Тамир задает себе вопрос, который относится отнюдь не к одному Израилю, а, скорее всего, относится к самой системе:

"Рядовой гражданин, вполне способен запутаться в тенетах парламентской политики, когда он пытается из передач радио и телевидения понять, куда клонят избранные народа. Нередко гражданин изумленно спрашивает себя: и эти люди призваны представлять мои интересы и думать о благе государства, это самые лучшие кадры — ум, честь и совесть народа?"

И. А.

Н. АЛЕКСАНДРОВ

НАСТОЯЩАЯ ПЕРЕСТРОЙКА

В сентябре этого года "Наша Страна" вступит в сороковой год своего существования. За этот довольно долгий срок, не только для отдельного человека, но и для общества в целом (больше половины длительности всей нашей эмиграции!), в газете менялись редакторы, сотрудники и читатели. Менялись техника, стиль и облик газеты. Менялись темы, содержание и форма. Однако, основное, коренное направление газеты оставалось всегда неизменным.

Несмотря на это, всегда задавались — и продолжают задаваться — вопросы о том, какого направления "Наша Страна". В передовой статье "Основное направление" О. Бартенева, в номере 1780, от 8 сентября 1984 года, на это дается недвусмысленный ответ: основное направление "Нашей Страны" всегда являлось и является монархическим. С уточнением, что "наша российская монархия по своим истокам, замыслам, целям и духу всегда была народной монархией", а "наш государственный строй принципиально всегда был не только народным, но и соборным".

В редакционной передовице "Собственный путь", в номере 1794, от 15 декабря 1984 года, подчеркивается, что "Наша Страна" является "органом почвенного и коренного русского направления, свободного и независимого от западных идеологий, будь то корпоративного, фашистского, либерального, клерикального, марксистского или какого иного толка... "Наша Страна" стоит за православную, соборную и народную монархию. Больше того, "Наша Страна" считает православие, соборность и народность государственного строя для России как бы общим знаменателем для в с е х возможных р у с с к и х политических вариантов. Монархия является лишь наилучшим и наиболее подходящим числителем для этого знаменателя".

Периодическое повторение таких, казалось бы, элементарных уточнений основного направления "Нашей Страны" необходимо по той простой причине, что если редакторы и даже члены редакции *обязаны* знать традиционное направление газеты, то новые сотрудники, а тем паче новые читатели, не всегда его могут знать досконально и во всем объеме, хотя в большинстве случаев с самого же начала имеют о нем довольно ясное представление.

Однако, даже у самых старых, "коренных" читателей, иногда возникают вопросы, связанные с основным направлением "Нашей Страны", с которыми они обращаются к редакции, и из которых видно, что им все же не всегда до конца понятно это основное направление газеты.

Несколько лет тому назад один читатель задал следующий, приблизительно, вопрос: "Почему монархисты не образуют политическую партию, которая бы могла назы-

ваться "монархической партией", и с помощью такой партии, не ведут борьбу за восстановление монархии в России?"

Совсем недавно, другой читатель высказывал следующую мысль: "Наша монархическая идея не имеет будущего, потому что между монархистами нет строгого объединения и единогласия".

Если будущее России будет зависеть от образования еще одной партии или от "объединения и единогласия" монархистов, то у России нет будущего. Следовательно, главным методом сегодняшних и вчерашних врагов будущей России (прошлая им неподвластна) было и будет как раз внушение о необходимости "партии" и "объединения". (Нельзя упускать из виду, что под "объединением" в большинстве случаев тоже подразумевается что-то похожее на "партию").

С того момента, когда монархическая идея будет сведена к "идее" образования монархической партии, сама эта идея перестанет быть русской идеей, и даже перестанет быть идеей вообще. С этого момента будет узаконена, легитимирована капитуляция — безусловная и окончательная — русской государственной идеи, перед пока что хронологически последним проявлением западноевропейской порочной — но перманентной — тенденции междоусобной борьбы за корпоративные привилегии, с позиции государства, на за счет и в ущерб всей нации. Наша междоусобная борьба была преодолена еще под татарским игом московскими великими князьями, и возвращаться к ней, под современными формами, нам нет никакой необходимости. Эту необходимость чувствуют лишь враги России, и вторят им лишь их подпевалы в нашей среде.

Сама по себе концепция партийного строя антидемократична, в лучшем смысле понимания демократии, так как олигархическая структура партий ограничивает и урезывает демократические возможности всего народа. Именно эта олигархическая структура партий не допускает демократического отбора всем народом лучших людей в государстве, так как доступ к государственным должностям является партийной монополией. Кроме того, все партии являются лишь политическими конечниками идеологий, и все их действия ориентированы как бы магнитным полем этих идеологий. Больше того, без этих идеологических магнитных полей сами партии вообще не могут существовать, и каждый раз когда в какой-нибудь стране наново основываются партии, то всегда, без исключения, репертуар этих партий строго ограничен идеологическим репертуаром социализмов, либерализмов, национализмов, консерватизмов и прочих измов, и комбинаций между ними.

Таким образом, с самого начала

теряется политическая и идейная независимость, вернее суверенность, или по-русски самодержавность, государственной власти, так как эта власть оказывается в руках партийцев, с их обязательной ориентацией на предвзятые чуждые схемы, выработанные в согласии с чуждыми интересами и целями.

Партийный строй является всего лишь одной из многих политических альтернатив, проявившихся на протяжении человеческой истории. Конечно, тенденции к образованию партий можно наблюдать нередко в истории человечества, наряду с другими, и даже противоположными, тенденциями. Но это еще не значит, что эти тенденции должны приобрести исключительное, тотальное значение, вытесняя все другие политические тенденции, как на это тоталитарно претендуют партократы. Точно также не надо впадать в другую крайность, требуя запрещения партий. Именно такое требование может быть политической провокацией, равно как и требование существования одной единственной партии, для того чтобы в противовес к таким абсурдным требованиям и выставлять не менее абсурдное требование многопартийной системы, как единственно возможной альтернативы. Партии не надо запрещать, постольку поскольку они не будут проповедывать преступные цели и не будут пользоваться преступными методами. Но партии не должны иметь право на монополию выдвижения кандидатов на государственные должности, а выбранные кандидаты, если они даже и были поддержаны той или иной партией, не имеют права принадлежать к никакой партии, а тем паче к секретным корпорациям, так как они являются представителями народа, а не каких-то группировок.

Настоящая перестройка политического строя нашей страны как раз в том и заключается, чтобы отбросить провалившуюся полностью концепцию одной партии, без соскальзывания в другую, не менее нам чуждую, концепцию многопартийного (или малопартийного) политического строя. Русская монархическая идея как раз в том и заключается, чтобы отстроить государственную структуру снизу, на том, что И. Солоневич называл "народными низами" (со своей стороны, А. Федосеев говорит о "самых нижних уровнях власти"), без олигархических (партийных или иных) средостений между этими низами и государственной властью. Отбор должен идти снизу, а не сбоку, с партийной стороны. Такой народный, или даже демократический (но никак не партийный) строй может быть усовершенствован монархической формой верховной власти, в качестве высшего правового арбитра и гаранта от новых тоталитарных партийных замашек.

Н. АЛЕКСАНДРОВ

ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ

ПИСЬМО ИЗ ИЗРАИЛЯ

Высылаю Вам русский текст письма, написанного и отправленного мною вместе с текстом на иврите главе израильского правительства Ицхаку Шамиру и президенту Хаиму Герцогу. Прошу опубликовать его. А также обращаюсь к Вам с просьбой: считая недостаточной такую публикацию только в русской среде, прошу помочь мне, а точнее, этому страдающему человеку, передать это письмо всем тем, кто в силах поднять хотя бы голос в его защиту, поскольку для меня закрыто все, что находится за пределами Израиля и у меня нет доступа к каким-либо связям.

Это все, чем я могу помочь этому человеку. Ему не помогли его соотечественники, — украинские националисты. Его адвокат, обессилив в борьбе с израильским "правосудием" уже высказывал желание отказаться от защиты. Когда один оппозиционный журнал в Израиле — "Аолям Азе", взывая к рассудку публики и завывающей израильской прессе, советуя соблюдать справедливость и юридические нормы по отношению к человеку, преступления которого еще не доказаны, опубликовал интервью с Деменюком, в Израиле поднялась настоящая буря. Была срочно созвана следственная комиссия, целью которой было найти каналы, по которым корреспондентка этого журнала Дафна Барак получила доступ к Деменюку, и наказать виновных.

С уважением.

"Уважаемому премьер-министру
Израиля г-ну Ицхаку Шамиру.

Глубокоуважаемый господин
премьер-министр!

Уважаемому президенту государ-

ства Израиль д-ру Хаиму Герцогу.

Глубокоуважаемый господин
Президент!

Обращаюсь к Вам, как к главе правительства (государства) Израиль с призывом обратить внимание на нарушение судебной процедуры на происходящем сейчас процессе Ивана Деменюка и предотвратить гибель невинного человека...

К подсудимому были применены меры физического и психологического воздействия, с целью сломить перед судом его дух.

Личность обвиняемого предварительно не была идентифицирована с личностью того Деменюка ("Ивана Грозного"), который совершал свои преступления в Трехлинке.

Все свидетельские показания на предварительном судебном разбирательстве в США перед выдачей Деменюка Израилю не подтвердили эту тождественность.

В Израиле не было сделано попыток установить эту идентичность. А требования защитника Деменюка О'Конора устроить специальное предварительное заседание по установлению такой идентичности не были удовлетворены.

De facto: Подсудимый привлечен к ответственности без установления его личности и определения его причастности к делу.

Тем не менее обвинение утверждает, что оно располагает свидетельскими показаниями и документами, которые могут установить личность Деменюка и обличить его в предьявленных ему преступлениях.

В обществе, заранее психологически подготовленном, "свидетели" всегда "найдутся".

Что касается документов, то это, как известно, единственный документ, на котором обвинение намерено строить свои обвинения, — удостове-

рение об окончании Деменюком (каким?) полицейских курсов в Польше.

Однако, достоверность этого документа весьма подозрительна, так как а) он получен из очень сомнительного источника, — из рук КГБ, у которого свои счета с Деменюком, служившим в армии Власова; б) документ доставлен в Израиль благодаря позорным связям некоего сиониста — миллиардера, сотрудничающего с КГБ; в) документ поступил спустя продолжительное время после запроса, что дает возможность для различных манипуляций; г) подлинность документа, полученного таким способом, весьма сомнительна и пока никем не подтверждена; д) не доказана принадлежность этого удостоверения подсудимому; е) и, наконец, этот документ не содержит никаких данных, что его владелец когда-либо служил в Трехлинке.

De facto: Обвинение не располагает достоверными данными, устанавливающими личность подсудимого и его причастность к делу.

Шаткость доказательств обвинения является причиной того, что нарушена последовательность судебной процедуры, в которой первым и главным должен быть этап установления личности обвиняемого и его причастности к делу. Обратная последовательность этой процедуры доказывает, что израильский суд не заинтересован в идентификации личности обвиняемого.

Суд над Деменюком открылся с предьявления ему обвинения, которого Деменюк не понял, поскольку оно написано и зачитано на чужом ему языке, несмотря на то, что юридические нормы любого правового государства обязывают суд предоставить обвиняемому еще до открытия суда все материалы обвинения на его родном языке — украинском.

De facto: Деменюка судят, не ознакомив его с материалами обвинения ни на предварительном след-

ствии, ни на процессе суда.

Несмотря на это, судья Дов Левин потребовал от обвиняемого, чтобы тот либо подтвердил, либо опроверг предьявленные ему обвинения, угрожая Деменюку расценить заявление о незнании им языка обвинения, как отягчающее вину обстоятельство ("отрицание фактов" (?)).

De facto: В вину обвиняемому поставлено незнание им языка обвинения.

Но на открытии суда судья объявил Деменюку, что только на этом этапе он может предьявить свои алиби. Возможность же подтвердить обвинение остается за ним до конца судебного процесса.

De facto: Судья лишил подсудимого права и средств защиты, оставив ему лишь один путь — самообвинения...

В печати, по радио, по телевидению с весны 1986 года идет подготовка общественного мнения к расправе над Деменюком. Его, как и на суде, называют "нацистским преступником", "убийцей", на совести которого сотни тысяч погибших в Трехлинке, сознательно нарушая этим основные юридические нормы любого цивилизованного общества...

Я обращаюсь к Вам, как к человеку и политическому деятелю, которому несомненно дорог престиж Израиля и безопасность его народа, с призывом вмешаться в этот процесс и сделать все, чтобы восторжествовала справедливость.

С глубоким уважением

Доктор истории
Руфь Окунева.

Автор книги "Советский антисемитизм" и Обращения к Брежневу в апреле 1980 года.

21 декабря 1986 года
Иерусалим.

Руфь Окунева (Израиль)

От редакции: письмо Р. Окуневой напечатано с сокращениями.

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

ЗАТЕМНЕНИЕ ВОПРОСА

В № 92 журнала "Время и мы", редактор, В. Перельман, в статье "Мысли о возвращении", пробует определить: сколько есть в новейшей эмиграции лиц, склонных вернуться в СССР, и почему? И сразу он переходит к другому вопросу, тесно связанному с первым: по каким причинам люди вообще уезжали из большевизмской России.

Относительно первой и второй эмиграции, он дает ответ однозначный и прямолинейный: из страха. Беда только в том, что в данной формуле содержится кусочек правды; но не вся правда. А неполная правда обычно означает: ложь.

Вот как он резюмирует дело: "Итак, страх перед режимом был главным мотивом первых двух эмиграций. Оказавшись перед жестким выбором — бежать или погибнуть — люди предпочитали эмигрировать".

Так то так, но отчего они оказались перед подобным выбором? В случае наиболее типичных эмигрантов надо ответить: из-за того, что они служили в армии Врангеля или Власова, то есть предпочли белую сторону красной. Вот тогда-то они и сделали свой выбор; а остальное уже из него вытекало.

Причины вот этого, первоначального выбора могли быть сложны и многообразны и варьировать от человека к человеку. Но именно его корни и следовало бы разбирать, если мы вообще хотим установить причины эмиграции. При этом, таковые

причины кое в чем у всех обнаружались бы и сходные или общие.

Конечно, среди первых волн было также и множество людей не служивших ни в каком войске, включая стариков, женщин и детей. Но они, в основном, чем-то были связаны с вооруженной борьбой против большевизма: это были родные, отцы, жены, дети активно сражавшихся. Или, во всяком случае, они в душе сочувствовали белым, а не красным; врангелевцам или власовцам, а не коммунистам.

Можно бы утверждать, что некоторые попали в белый стан чисто случайно, в результате капризов гражданской войны. Но такие имели возможность остаться на родине или, если уж их вынесло за границу, — вернуться. Все, кто сочувствовал советскому режиму, так и сделали.

То же, что с первой, было и со второй эмиграцией. Те, кто духовно был связан с советской системой, даже вывезенные за рубеж, спешили оттуда возвратиться домой. Понятно, их ждала несладкая участь; но они старались себя уверить, что им простят; отворачиваясь от иного, более разумного выхода, — разрыв с СССР.

Относительно же сознательных эмигрантов, избравших свободу, несправедливо говорить о страхе, как мотиве ухода или отказа от возврата. Сдаться врагу, зная, что результатом будут унижения и, вероятно, гибель, — действия от которых

удерживают самого храброго человека здравый смысл и чувство чести. Находились, положим, и такие смельчаки, которые возвращались в Советский Союз с тайным заданием, — но тут уж мы ведь имеем дело с совсем иным явлением!

Так что мы видим, что для всех, в конечном счете, главными являлись побуждения психологические и идеологические, побуждения политического порядка. И зря В. Перельман от них пытается уйти. Тут он действует по принципу: "Замнем для ясности!" А этим методом, увы, к верным решениям нельзя придти никак.

Со сходной точки зрения подходит он и к своей, новейшей эмиграции. Сделаем ему уступку, что в ней и впрямь имеются всякие элементы, в том числе отрицательные фигуры, личности ненадежные и непорочные. Впрочем, таковые ведь встречались и в среде их предшественников обоих призывов.

Итак, о представителях третьей волны Перельман говорит, примерно, следующее: они мол все любят утверждать будто бежали в силу жажды свободы. А на деле их побуждения были куда более прозаические и низменные: один хотел открыть лавочку и рассчитывал разбогатеть; другой мечтал сделать карьеру в Голливуде; третий просто поссорился с начальником.

Ну что ж, допустим, что так оно и есть.

Однако, ведь все эти стимулы отражают, по сути, именно стремление к свободе! Хотя, положим, скорее к бытовой, чем к политической, в отличие от прежних двух волн. Но свободу можно понимать по-разному; она не только в возможности выбирать форму правления, но и в праве на частную инициативу, на художественное самовыражение, на занятие любимой работой.

Таким образом, побудительные мотивы для эмиграции, в последней своей сущности, у всех трех волн в основном общие: любовь к свободе и отталкивание от рабства. А страх, который им всем поневоле знаком, есть фактор привходящий, и в качестве всеобщего объяснения и ключа ко всем проблемам вовсе непригоден.

Кроме того, сдается нам, за этой преданностью свободе стоит еще и нечто другое: неприятие выдвигаемых коммунистами моральных ценностей и предпочтение оным каких-то иных; чаще всего, традиционных и уходящих истоками в более или менее далекое прошлое.

У тех же, опять-таки, кто предпочитает сейчас (или предпочел прежде) вернуться в Советский Союз, кроме каких-либо неудач на Западе и тоски по родине, есть, мы полагаем, еще и то общее налицо, что для них духовная и даже физическая свобода представляется не главным, а второстепенным.

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

ЧТО ПРОИСХОДИТ В КРЕМЛЕ?

В печати сообщаются первые статистические сведения об экономических репрессиях. Министр внутренних дел СССР А. Власов сообщает в интервью "Известиям", что "общее число привлеченных к уголовной ответственности и осужденных за самогонварение — более 130 тысяч. К ним прибавляются еще 70 тысяч наказанных в административном порядке. 61 % самогонщиков — женщины. Половину самогонщиков составляют рабочие и служащие, 15 % — колхозники, 20 % — пенсионеры. Больше половины осужденных (52 %) — люди в возрасте до 29 лет. Среди привлеченных к уголовной ответственности, около 10 тысяч — лица с высшим и средним специальным образованием, коммунистов и комсомольцев среди них — 4,7 тысячи. За полтора года сдано добровольно или изъято 900 тысяч самогонных аппаратов". ("Р. М." 20-3-87).

Председатель комитета народного контроля РСФСР В. Конев в интервью газете "Советская Россия" сообщает, что "в 1984 и 1985 годах привлекли за приписки к отчетности 39.000 должностных лиц, в первой половине 1986 года — 11.000". ("Посев" номер 3, 1987). Это только по РСФСР, а по всей стране, вероятно, вдвое больше — 100 тысяч.

Продолжается кампания борьбы с "нетрудовыми доходами". В Узбекистане, Грузии, Азербайджане — тревожные дни. Арест следует за арестом, судебный процесс за процессом. Репрессивные службы ведут ожесточенную борьбу с хищениями, взяточничеством, злоупотреблениями". ("Посев" номер 3, 1987). Как рассказывает "Посев", 27 июня 1986 года советское телевидение показывало документальный фильм "Взятка". Там есть кадр — камера смертника. Железный ящик и табурет. И лицо человека, осужденного к смерти за нарушение законов в сфере народного хозяйства. Это изможденное, небритое лицо с отчаявшимися страшными глазами запоминается навсегда. "Дошел я, дошел до ручки..." — шепчет он. А дикторский голос назидательно отвечает: "Кто виноват? Сам!" И тут глаза смертника вспыхивают гневом: "Кто виноват? А в корень надо смотреть!" Дальше ему говорить не дали, сцена оборвалась... Он прав, этот человек, которого, возможно, уже нет в живых". ("Посев" номер 2, 1987). По косвенным подсчетам, за "нетрудовые доходы" осуждено уже не менее 200 тысяч человек, а всего за годы "перестройки", считая самогонщиков и искажение отчетности — 500 тысяч.

В "Письмах из Москвы" в "Русской мысли" говорится: "Все эти перемены скоро могут обернуться безудержным террором и массовым избиением". ("Русская мысль", 3-4-87). "Страна и мир" сообщает о беседе с двумя недавними эмигрантами в конце октября в Риме: "Советская пресса что ни день сообщает о новых разоблачениях, арестах и осуждении бывших советских и партийных бонз, воровавших и бравших взятки. Народ злорадствует, млеет от сообщений о расстрелянных номенклатурщиках, надеется, что урежут привилегии удержавшихся на своих постах начальников, даже отменят их распределители. Ведь когда жить становится все хуже — а именно таково ощущение новых эмигрантов — то на душе чуть легче, если самых благополучных хоть немного прижмут, ограничат, а совсем уж зажавшихся — даже стрельнут. Что при этом тревожат чужих людей, так это гадкое настроение — нет не толпы даже, а ее советского упорядоченного варианта — очереди, кроважидное злорадство, коллективный поиск (тон задают вездесущие пенсионеры) виновников всех бед, напоминающий погромное настроение периода китайской культурной революции. При этом, однако, ни очередь, ни исправное трудящееся и трезвое население ни в какие существенные изменения не верит. Нет никакого сравнения с настроением, царившим в начале хрущевской оттепели. У народа нет сил, ни желания, ни надежды. Все устало, озлоблено, ни во что не верят и все горбачевское принимают за очередной театр" ("Страна и мир" номер 1, 1987).

"Страна и мир" описывает несколько конкретных случаев. "В рязанской области судили Монахова. Формально за то, что продал полтора

литра самогона, фактически — за стяжательство. Александр Степанович Монахов, путевой обходчик, человек немолодой, 60 лет. Претензий по службе к нему нет. Но при обыске, пишут "Известия", выявился поразительный факт: сотрудники милиции насчитали на его дворе, помимо коровы и теленка, 85 овец и 100 гусей. То, что Монахов нарушил закон и понес наказание, — ясно. Не ясна экономическая сторона дела. Овца в истарии овечьей Рязани, можно сказать, исчезающее животное. За последние 20 лет количество их снизилось почти вдвое, и сейчас на одного работающего в сельском хозяйстве области приходится 2 овцы. На все село Чернобаево из 80 дворов — 60 овец, на 5.000 населения Сторожилово — 117 коров. Конфискованные у Монахова овцы попали в колхоз "Золотой колос". В разгаре жаркого лета они находились в заброшенном коровнике и жевали старое сено. Некоторые из них даже не были острижены. Дело даже не в граммах шерсти. Летом в своей облепленной репьями шубе овца сама побегит... прямо на скотомогильник. Сейчас овец осталось 26. Часть сдохла, часть съели, а приплода лишь 3 головы. Законом овцы были предназначены в доход государству, обществу, а что получилось?" ("Страна и мир" номер 11, 1986).

Вот другие случаи: "11 декабря "Известия" опубликовали очередную подборку писем в газету. Читательница М. Шандыгаева обратилась в ростовский горфинотдел для разрешения продать изготовленные ею вещи — и вернулась домой униженной и оскорбленной. Мало того, что Шандыгаеву отругали. Ее лишили пенсии, обложили... нет не матом, конечно, но еще хуже: высочайшим налогом. Лишили пенсии и жителя Баку Г. Дика, тяжелобольного человека, который прирабатывал 50 рублей в месяц, печатая на машинке. Вот я и хочу спросить, — горестно вздыхает Дик, — почему человеку, который хочет до конца своих дней быть хоть немного полезным, улучшить свой бюджет, ставят палки в колеса". ("Страна и мир" номер 1, 1987).

Как сообщает "Либерасон" (26-3-87), слухи о предстоящих перестановках на верхах власти, в частности о смещении Чебрикова и Щербицкого (см. "Н. С." 1913) продолжают циркулировать в Москве. Газета указывает также на важную роль, которую играет в Политбюро "урало-сибирская группа". В эту группу, вероятно, входят Лигачев, Рыжков, Зайков, Воронников и Соломенцев, к ней, очевидно, примыкает Громыко, который, по слухам, произнес на Пленуме ЦК 27 января критическую речь. Как пишет М. Восленский, "из Советского Союза поступают сообщения о том, что наметился конфликт между Горбачевым и Лигачевым, что у Горбачева нет твердого гарантированного большинства в Политбюро. Пока, видимо, у него есть трудности. Я бы сказал, нарастающие трудности". ("Посев" номер 1, 1987).

В западной печати появились сообщения о том, что "в Советском Союзе распространяется видео-кассета против Раисы Горбачевой. Супругу генерального секретаря снимали, когда она делала покупки во время поездки на Запад. Некоторые кадры были сделаны скрытой камерой. Доказательств тому, что фильм о любви Раисы Горбачевой к роскоши — дело рук сотрудников КГБ, конечно, нет, но не очень понятно, кто еще мог бы это сделать. Особо подчеркивают режиссеры ее любовь ко всему западному. Хотя атака ведется против Горбачевой, те, кто делал фильм, целят в самого генерального секретаря". ("Р. М.", 10-4-87).

Американский специалист Стюарт Ганнес пишет в статье "Компьютер в дни войны и мира", что в советском производстве нет ничего подобного американским сверхкомпьютерам, принимающим 100 млн. команд в секунду и даже больше". ("Страна и мир", номер 1, 1987).

16 апреля в выступлении на съезде комсомола Горбачев заявил: "Созданы и уже освоены в серийном производстве универсальные ЭВМ, выполняющие 125 миллионов операций в секунду. Очень много расчетов кое-кто на Западе связывал с отставанием Советского Союза в техническом процессе, в том числе — в решении задачи создания супер-ЭВМ. Имеющие уши пусть услышат сегодня эту информацию".

Д. Р.

Среди книг

ХИВИНСКИЙ СТОЛЫПИН

В романе Джуманияза Шарипова "Хорези", переведенном с узбекского и изданном в Москве в 1968 году, наиболее интересен фон, — история хивинского ханства в последнее десятилетие перед революцией. Оно уже подчинено России, но, как мы видим, пользуется широчайшим самоуправлением. Зависимость выражается в том, что хан Исфандияр наносит визит царю Николаю II, который его осыпает милостями; в том, что Россия охотно готова пойти навстречу проекту проведения в Хиву железной дороги; да в том, что когда в ханстве начинаются беспорядки, междоусобные войны или мятежи, русские войска приходят ее правительству на помощь.

Важное место в книге занимает трагическая судьба прогрессивного хивинского министра Ислам-ходжи, попытавшегося провести широкие реформы на западный лад и убитого за то своими политическими противниками, в обстановке хитрых восточных интриг. Однако, сам автор не сочувствует, или не считает удобным выражать сочувствие этому буржу-

азному деятелю, заботившемуся в первую очередь о благе государства в целом. Его, автора, симпатии, — согласно пропагандным схемам, принятым раньше и в русской подсоветской литературе, но в ней-то сейчас в значительной мере преодоленным, — на стороне низов, крестьян и рабочих, которых, как он на каждом шагу подчеркивает, эксплуатируют злые хищники, как-то представлены у него все богатые, все знатные, все духовенство и сам хан со своим двором.

Такая упрощенная картина быта веками существовавшего и процветавшего среднеазиатского государства явно не соответствует действительности, в силу крайней своей тенденциозности. Притом, если в Хиве в самом деле царили мрак и варварство, то с ее включением в

состав Российской Империи, она, во всяком случае, вступила на путь приобщения к европейской культуре.

Для Шарипова, однако, единственными целиком положительными героями являются русские большевики, проникающие в те годы и в Туркестан, да местные бунтовщики, по разным причинам поднимающие оружие против властей. Ну, каковы бы ни были недостатки прежних повелителей, несомненно, что в дальнейшем хивинцы о них с грустью вспоминали, хлебнув советчины... Знали бы они, что их ждет, — без сомнения, присоединились бы от души к пожеланию злосчастного последнего своего монарха Исфандияра: "Да уничтожит Аллах большевиков!"

Язык перевода в целом вразумителен, хотя и сер. Отметим один

курьез: упоминание, что министры русского царя получают зарплату! Слова жалование или оклад, очевидно, показались советскому литератору несовременными или даже мало понятными.

Савва Юрченко

GLOBUS A Slavic Bookstore

332 Balboa St. SAN FRANCISCO
CA 94118 Tel. (415) 668-4723

Предлагает новые и старые книги, опубликованные эмигрантскими издательствами, журналы и газеты, а также открытки, пластинки и кассеты.

Выполняет работы по переплету и реставрации книг.

Каталог высылаем по требованию.

А также снова возобновилась продажа единственной еженедельной монархической газеты "Наша Страна"

Родительский комитет устраивает в зале Епархиальной Школы в буэносайресском пригороде Вижа Бажестер на улице Фалучо 864

О С Е Н Н И Й Б А Л

Приглашаются все российские эмигранты с их семьями и друзьями.

Вход: 8 австралий
Учащаяся молодежь: 5 австралий

Столы и билеты просят заказывать у А. Заботкина
тел. 753-3835 и 786-5075

БИБЛИОГРАФИЯ

И. Грекова. "Пороги" (Москва, 1986).

Роман любопытен как новая попытка возрождения советского детектива, и на довольно высоком уровне. Жанр расцвел было в 20-е годы под пером М. Шагинян и Л. Никулина, но потом зачах, несмотря на многие покушения влить в него жизнь: его давил дух большевизмской пропаганды, радикально данному виду литературы противопоказанный.

У Грековой элемент загадки переплетен с бытовым, даже чересчур местами прозаическим, на чеховский порою лад, рассказом о повседневности героев, протекающей главным образом на фоне исследовательского института по кибернетике. Главный персонаж, Юрий Нешатов, явно вернулся недавно из концлагеря; но сие прозрачно затушено: будто он был под следствием из-за несчастного случая на его прежней работе, ответственность за каковую возложили на него, а затем попал в лечебницу от нервных болезней, и вот теперь вышел на свободу и устроился по специальности.

В ограниченном кругу научных работников (отметим, что эту среду все чаще начинают изображать подсоветские писатели наших дней; и, между прочим, заграничные диссиденты тоже!) разыгрывается скандал на почве анонимных доносов, рассылаемых в высшие инстанции явно кем-то из их немногочисленного по составу отдела. Тайна выдержана весьма удачно, и некоторые ее частицы раскрываются только в самом конце, и неожиданно для читателя. В книге-то доносы ни к чему не ведут, хотя и заведующему отделом, и директору института, и рядовым их подчиненным причиняют серьезное беспокойство и мелкие неприятности. На практике, в СССР доносы имели как правило очень серьезные последствия, в еще совсем недалеком прошлом... Хорошо, если сейчас оно уже обстоит иначе.

Фигуры научных сотрудников даны живо и правдоподобно: и старых, и среднего поколения, и сравнительно молодых еще. Последние даже особенно выпукло показаны. Их общий культурный уровень иногда поразительно низок, вроде как у программистки Данаи Ярцевой, которая, когда ей цитируют Пушкина, думает, что это Евтушенко, и уж совсем не представляет себе происхождение своего имени. Того же типа — и секретарша начальника отдела Лора, "с безграничным изумлением" спрашивающая сослуживца, Полюнина: "Неужели вы верующий?" (она потом и оказывается некрасиво замешанной в историю с доносами). Полюнин же весьма кстати припомнил, ей и другим, текст заповеди: "Не послушествуй на друга своего свидетелства ложна".

Среди относительно старших, мы видим способного и осторожного карьериста Фабрицкого, и как бы в рендант к нему молодого и неудачливого карьериста Феликса Толбина, более беспринципного, но менее ловкого, чем тот. Им противопоставлена стареющая энтузиастка науки Дятлова и безобидный чудак,

одаренный на все руки в области техники и математики Шевчук, равнодушный к своим реальным успехам и гордящийся только своими вполне бездарными стихами.

К подлинной молодежи, школьного и студенческого возраста, у автора отношение недоверчивое и настороженное, окрашенное глубоким пессимизмом: это все морально разложенные хиппи, а то и просто хулиганы; в лучшем случае, — эгоисты и бездельники. Иное дело — дети; они описываются с пониманием и с любовью.

Из двух повестей, включенных в тот же том, одна, "Вдовый пароход", посвящена ужасам коммунальных квартир (впрочем, в умеренном и философском тоне), другая, "На испытаниях", — посещение ракетной базы, где-то в пустыне, на дальней окраине страны.

И в романе, и еще больше в повестях, раскиданы кое-какие критические замечания о подсоветской жизни, по эсэсэровским масштабам, возможно, рискованные и крамольные, на наше же восприятие, — опасно приглушенные: о положении в науке, о безобразиях в народном хозяйстве, даже некоторые смутные отзвуки религиозного чувства.

Например, подчеркивается, что кибернетика еще недавно являлась запретным учением, а теперь стала модной и поощряемой. Что одно время полагалось все достижения мировой науки приписывать русским ученым, а об иностранных молчать; а теперь этого больше не требуется. И что, в результате таких вот вещей, та же самая диссертация, которую сперва с треском провалили, потом с жаром принимается и всеми расхваливается.

Советский генерал Сиверс (в "На испытаниях") рассказывает, что его в 20-е годы выгнали из института за дворянское происхождение, а что вот сейчас (видимо, в конце 60-х годов) его вызвали для проверки из-за иностранной фамилии, и когда он доказал, что его род — военный и офицерский на службе России со времен Екатерины Великой, отпустили с одобрением (подразумевается, — хотя прямо не сказано! — что сомневались, не еврей ли он). Он же с сожалением вспоминает о Тухачевском. Правда, в конце повести есть намек, что чересчур откровенному генералу "готовятся, соответственно, некие административные осложнения (не столь уж времена и переменились!). Еще типичнее, пожалуй, что в "Порогах" одну женщину, за чрезмерную узость и принципиальность на службе и в личной жизни, ее коллеги иронически называют между собою *пионервожатой*. А уж разве это не было прежде большевизмским идеалом!

Все течет, все меняется... Увы, суть остается прежней.

Владимир Рудинский

О П Е Ч А Т К А

В статье В. Самарина "Коллаборация с КГБ" ("Н. С." № 1914) опечатка в первой колонке, в шестом абзаце. Следует читать не 1987, а 1981 год.

ПЕЧАТЬ

ГОРЕ-ПУШКИНИСТ

В "Новом Русском Слове" от 24 января с. г. некто А. Л. опубликовал заметку "Загадка черного листа", посвященную пушкинскому наброску, обычно печатающемуся так:

В голубом эфира поле
Ходит Веспер золотой.
Старый дож плывет в гондоле
С догарессой молодой.

Кидается в глаза, что автор заметки упорно называет все время дождя, о котором видимо думал Пушкин, *Марино Фальери*, тогда как его подлинное имя было *Марино Фальеро* (а годы жизни — с 1274 по 1355).

Весьма вероятно, конечно (как и предполагает А. Л.), что отрывок сей был навеян нвшему поэту замечательным рассказом Гофмана "Дождь и догаресса". Однако, даже если бы Александр Сергеевич данное произведение великого немецкого романтика и не читал, можно с уверенностью сказать, что он знал драму Байрона, так и названную "Марино Фальеро" (а, понятно, не *Фальери*). Так что особенно ловить себе голову, откуда он взял свой сюжет, пожалуй бы и не стоило. Если подсоветская пушкинистка Т. Цявловская жаловалась, будто неизвестно: "Что именно направило мысли Пушкина...", то право зря.

А. Л. отважно предлагает и новое чтение текста:

Далеко в небесном поле
Блесток Весты золотой.

Скажем с осторожностью: предположение мало вероятное! *Блесток* в единственном числе Пушкин вроде бы никогда не употреблял, и вряд ли бы захотел вдруг здесь употребить. Пастернак или Заболоцкий могли бы; но их принципы поэтики иные. А *блесток Весты* тем более неправдоподобен, поелику даже и не вразумителен. Да и странно было бы Пушкину упоминать тут о планете Веста, которой во времена Фальеро астрономы еще не знали.

Г-н А. Л. отвергает чтение *Веспер*, ибо де Веспер — звезда, а звезды неподвижны. Можно бы возразить, что для плывущих в гондоле они представляются движущимися. Кроме того, есть ведь и другое возможное чтение: "Ходит месяц золотой". Что до цвета, то луна нередко кажется ведь желтой, а не белой.

Оригинальный человек г-н А. Л.! Осведомленности и внимания так мало, что и фамилию знаменитого однако дождя (казненного за борьбу с венецианскими патрициями) толком написать не умеет; а сомоуверенности так много, что вызывает совершенно по-новому разбирать прекрасный отрывок, хорошо известный всем, кто любит Пушкина.

В. Р.

А Н О Н С !

А Н О Н С !

Б О Л Ъ Ш О Й Б А Л О Р Ю Р

состоится в воскресенье 11 октября
1987 года в зале
SAN BONIFACIO

— Видал? Либерализация — не простые слова.
Теперь можешь выйти из камеры.

"НАША СТРАНА". Русская монархическая еженедельная газета. Основана 18 сентября 1948 И. Л. Солоневичем. Издатель: Михаил Киреев. Редактирует: Ред. Коллегия. Адрес: М. Kireeff, Monroe 3578 — 11, 1430 Buenos Aires. Номер телефона М. Киреева: 89-0862. Статьи подписанные фамилией или инициалами не обязательно всегда выражают мнение редакции. Рукописи не возвращаются.

Цены за экземпляр газеты: Австралия - 0,80 ам. дол.; Германия - 1,80 н. м.; Франция - 5 фр.; Италия - 1100 лир; США - 0,80 ам. дол.; Аргентина - \$ 0,60. В остальных странах - 0,80 ам. дол. Цена объявлений: за 1 см. в 1 колонку - стоимость 4 экземпляров газеты в соответствующей валюте. Чеки и "монец ордер" выставляются на Miguel Kireeff. Просьба не делать денежных переводов.

"NASHA STRANA" — "NUESTRO PAIS". Semanario monarquico ruso. Fundado el 18 de septiembre de 1948. Registro Nacional de Propiedad Intelectual No.: 949.917. Editor: Miguel Kireeff, Monroe 3578 — 11, 1430 Buenos Aires.

Correo ARGENTINO
Sucursal 30 (B)

Franqueo pagado. Conces.No. 4233
Interes general. Conces.No. 3980